

ХЬЮ ТРЕВОР-РОУПЕР

**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ГИТЛЕРА. ТАЙНА
ГИБЕЛИ ВОЖДЯ
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
1945**

За линией фронта. Военная история

Хью Тревор-Роупер

**Последние дни Гитлера. Тайна
гибели вождя Третьего рейха. 1945**

«Центрполиграф»

1995

Тревор-Роупер Х.

Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945
/ Х. Тревор-Роупер — «Центрполиграф», 1995 — (За линией
фронта. Военная история)

Английский историк, специалист по истории Третьего рейха Хью Тревор-Роупер в 1945 году по заданию британского правительства был привлечен к расследованию обстоятельств смерти Адольфа Гитлера, материалы которого составили настоящую книгу. Скрупулезное изложение хода событий последних дней существования «тысячелетнего» рейха и его вождя, основанное на письменных свидетельствах (дневники, воспоминания, документы) и материалах допросов участников Нюрнбергского процесса, опровергает множество версий и мифов обстоятельств смерти или исчезновения Гитлера.

© Тревор-Роупер Х., 1995

© Центрполиграф, 1995

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хью Тревор-Роупер

Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Прошло десять лет с тех пор, как была написана книга. За это время над одними тайнами Второй мировой войны туман рассеялся, а над другими стал еще гуще. Были написаны новые книги и статьи, в которых менялись или оспаривались старые суждения. Но ни одно новое откровение не изменило историю последних десяти дней жизни Гитлера, историю в том виде, в каком она была мной реконструирована в 1945 и опубликована в 1947 году. По этой причине я не вижу никаких оснований для того, чтобы исправлять текст книги в этом ее новом издании, если не считать, конечно, мелких исправлений, неизбежных при любом переиздании. Несомненно, я мог бы вставить некоторые добавления в разные места текста, но, поскольку в книге нет ошибок, подлежащих безусловному исправлению, и нет пробелов, которые надо было бы восполнить, я решил последовать мудрому примеру Понтия Пилата: что я написал, то написал.

Я посчитал, что любая книга, достойная переиздания, должна нести на себе отпечаток времени, в какое она была написана. Все новые комментарии, пришедшие мне в голову, я разместил в подстрочных примечаниях и в данном предисловии. В этом предисловии я попытаюсь сделать две вещи. Во-первых, подробно опишу мое исследование, которое привело к написанию книги. Во-вторых, подытожу некоторые данные, появившиеся после выхода в свет первого издания, данные, которые, не меняя сути всей истории, могут пролить свет на некоторые обстоятельства и факты последних дней Гитлера.

В сентябре 1945 года обстоятельства смерти или исчезновения Гитлера уже в течение пяти месяцев были окутаны непроницаемым мраком таинственности. Было обнародовано великое множество версий его гибели или его бегства. Некоторые утверждали, что он был убит в сражении, другие говорили, что его убили немецкие офицеры в Тиргартене. Многие полагали, что он бежал – на самолете или на подводной лодке – и обосновался либо на туманном острове в Балтийском море, либо в горной крепости в Рейнланде; по другим сведениям, он скрылся то ли в испанском монастыре, то ли на южноамериканском ранчо. Находились люди, думавшие, что Гитлер спрятался в горах Албании, среди дружественных разбойников. Русские, располагавшие самыми надежными сведениями о судьбе Гитлера, предпочитали нагнетать неопределенность. Сначала они объявили Гитлера мертвым, потом это заявление было опровергнуто. Позже русские объявили об обнаружении тел Гитлера и Евы Браун, опознанных по зубам. После этого русские обвинили британцев в том, что они спрятали Еву Браун, а возможно, и Гитлера в своей зоне оккупации. Именно после этого Управление британской разведки в Германии, сочтя, что вся эта мистификация создает ненужные трудности, решило собрать все данные и выяснить наконец истину, если это окажется возможным. Выполнение этой задачи было поручено мне. В британской зоне мне были предоставлены все необходимые полномочия, а американские власти во Франкфурте без промедления предоставили в мое распоряжение все имевшиеся у них материалы по данному вопросу. Мне было разрешено допрашивать пленных, и к тому же американцы обеспечили мне поддержку со стороны своей контрразведки.

Каково было в то время состояние дела? Единственным авторитетным свидетельством смерти Гитлера было выступление по радио адмирала Дёница, с которым он обратился к немецкому народу вечером 1 мая 1945 года. В своем выступлении Дёниц объявил, что Гитлер погиб в Берлине днем 1 мая, сражаясь во главе верных ему войск. В тот момент заявление Дёница сочли достоверным по сугубо практическим соображениям. Заметка о смерти Гитлера на следующий день была напечатана в «Таймс». Господин де Валера посетил в Дублине германского посла и выразил ему соболезнования, а имя Гитлера (в отличие от имени Бормана, о судьбе которого не было сделано никаких заявлений) было вычеркнуто из списка военных преступников, которые должны были предстать перед судом в Нюрнберге. С другой стороны, верить

сообщению Дёница было отнюдь не больше оснований, чем некоторым другим утверждениям. Заявление Дёница было подтверждено неким доктором Карлом Хайнцем Шпетом из Штутгарта, который, находясь в то время в Иллертиссене (Бавария), под присягой показал, что лично осматривал Гитлера в связи с ранением грудной клетки, которое он получил в Берлине во время артиллерийского обстрела, и констатировал его смерть в бункере возле зоопарка. Это произошло якобы днем 1 мая. Однако в то же время в Гамбурге швейцарская журналистка Кармен Мори под присягой показала, что Гитлер, по неопровержимым сведениям, находился в одном баварском поместье вместе с Евой Браун, ее сестрой Гретль и мужем Гретль Германом Фегеляйном. Кармен Мори сама предложила расследовать этот факт, пользуясь ее собственными связями (она была отправлена в немецкий концентрационный лагерь за шпионаж и располагала неплохой агентурной сетью). Мори, правда, предупредила британские власти, что попытка найти Гитлера и остальных без ее участия может закончиться неудачей, ибо, заметив приближение людей в иностранной военной форме, все четверо немедленно покончат с собой. Обе эти истории с самого начала не вызывали никакого доверия, так же как и множество других устных и письменных показаний.

Всякий, кто проводит расследования такого рода, вскоре сталкивается с одним важным фактом: нельзя верить подобным свидетельствам. Любой историк испытывает стыд при одной мысли о том, сколь многое в истории зиждется на основаниях столь же сомнительных, как заявления адмирала Дёница, доктора Шпета или Кармен Мори. Если бы такие заявления делались относительно некоторых неясных обстоятельств смерти русского царя Александра I, то многие историки, пожалуй, отнеслись бы к ним со всей серьезностью. К счастью, в данном случае это были утверждения современников, а их можно было проверить.

Английский историк Джеймс Спеддинг говорил, что каждый его коллега, сталкиваясь с высказыванием относительно какого-либо факта, должен задать себе вопрос: кто первый это сказал и были ли у этого человека возможности это знать? Многие исторические свидетельства рассыпаются в прах, если подвергнуть их этому испытанию. Разыскивая доктора Карла Хайнца Шпета, я поехал по данному им самим адресу в Штутгарте. Оказалось, однако, что это не жилой дом, а здание технического училища. Никто в училище не знал, кто такой доктор Шпет. Мало того, я не смог обнаружить это имя ни в одном городском справочнике. Стало ясно, что он представился вымышленным именем и обнародовал вымышленный адрес. Поскольку его свидетельство оказалось ложным, постольку стало ясно, что этому человеку нельзя доверять и в других вопросах, где невежество могло быть и извинительным. Что касается свидетельства Кармен Мори, то оно не выдержало даже легкой критики. Она никогда не видела Гитлера и никогда не разговаривала с людьми, которые могли знать факты. Те факты, которые она предъявила, были очевидными фальшивками, а те аргументы, с помощью которых она связывала эти факты, были абсолютно лишены логики. Утверждения Мори, как и утверждения доктора Шпета, были чистейшей фантазией.

Но зачем эти люди лжесвидетельствовали? Толковать человеческие мотивы – занятие неблагодарное, но иногда их можно отгадать. Кармен Мори, попав в концентрационный лагерь, стала агентом гестапо, отбиравшим среди заключенных жертвы для убийств и преступных медицинских опытов. Заключенные знали об этом, и, когда союзники захватили лагерь и освободили заключенных, обвинение Мори в сотрудничестве с нацистами было лишь вопросом времени. Вероятно, Мори думала, что, сочинив эту историю, которую она сама и хотела расследовать, она сможет оттянуть возмездие и заручиться поддержкой британских оккупационных властей. Если это было так, то Мори ошиблась: ее помощь не потребовалась британцам, а саму ее вскоре арестовали, судили и приговорили к смерти. Накануне казни Мори успела покончить с собой.

Мотивы доктора Шпета представляются не столь рациональными. Источник его истории совершенно ясен. Это всего лишь расширенное, снабженное обстоятельными подробностями и

подкрепленное якобы личным участием обращение Дёница по радио. Дёниц сказал, что Гитлер погиб в бою во главе своих верных солдат днем 1 мая; доктор Шпет всего лишь приукрасил этот простой факт, добавил к нему местный колорит, а себя представил центральной фигурой. Мотивы его были иррациональны, но психологически вполне объяснимы: бредовое тщеславие такого рода заставляет рассказчиков приписывать себе главную роль в событиях, о которых они рассказывают. Такие же точно мотивы заставили Георга IV убедить себя в том, что именно он командовал кавалерийской атакой в битве при Ватерлоо.

Склонность к мифотворчеству весьма свойственна роду человеческому, а в особенности его немецким представителям; люди ценят мифы выше, чем истину. Обилие подобных историй убедило меня в справедливости этого утверждения. Даже в декабре 1947 года немецкий летчик, назвавшийся Баумгартом, под присягой заявил в Варшаве, что 28 апреля 1945 года он на самолете лично вывез Гитлера и Еву Браун в Данию. Вся эта история – чистой воды вымысел. В самом начале моего исследования я отыскал следы двух пилотов Гитлера – обергруппенфюрера СС Ганса Баура и штандартенфюрера СС Беетца. Я установил, что они оба покинули бункер вместе с Борманом в ночь на 1 мая 1945 года. Беетца в последний раз видели на мосту Вейдендам, и с тех пор ни жена, ни друзья ничего о нем не слышали. Баур был захвачен русскими, и его жена показывала мне письмо, полученное от него из Польши в октябре 1945 года в Баварии. Кроме того, в нашем распоряжении есть собственноручная подпись Гитлера под его завещанием и свидетельством о браке, «данном в Берлине 29 апреля», то есть на следующий день после того, как Баумгарт якобы вывез его в Данию. Но разум бессилен перед слепой любовью к вымыслу, и, несмотря на то что Баумгарт окончил свои дни в лечебнице для душевнобольных в Польше, те, кто предпочитал ему верить, продолжают делать это и до сих пор.

Конечно, не все легенды являются плодом чистой выдумки: человеческая изобретательность неоднородна, и некоторые мифы имеют под собой фактическую основу или, по крайней мере, некоторое мыслимое правдоподобие. Так, например, обстоит дело с легендой, озвученной Шелленбергом после его ареста в Швеции. Доверчивые люди с готовностью за нее ухватились. Шелленберг утверждал, что Гитлера отравил Гиммлер. Но откуда Шелленберг мог это знать? Он не виделся с Гитлером с 1942 года¹. Его единственным доказательством было его собственное желание: Шелленберг хотел верить, что Гиммлер последовал его совету; произвольно толкуя отрывочные высказывания последнего, он уверил себя в том, что Гиммлер действительно это сделал. Достаточно было задать Шелленбергу несколько вопросов, проанализировать ситуацию в окружении Гиммлера и прочитать отчеты графа Бернадота, для того чтобы легенда Шелленберга рассыпалась, как измышления Мори и Шпета.

Таким образом, единственным свидетельством о судьбе Гитлера остается заявление Дёница. Но откуда Дёниц мог знать факты? Было известно, что гроссадмирал покинул Берлин 21 апреля и с тех пор с Гитлером не встречался. Свое радиообращение он произнес в Плоэне, городке, расположенном в двухстах сорока километрах от Берлина. Так откуда он мог знать о происходивших там событиях, которые он описал в своей речи? Ответ на этот вопрос очень прост. Когда было арестовано так называемое Фленсбургское правительство, в руки союзников попали и все его документы. Среди них были обнаружены телеграммы, которыми обменивались штабы Дёница и Гитлера. Последней была телеграмма Геббельса Дёницу, датированная 1 мая. В этой телеграмме говорится, что Гитлер умер «вчера» – то есть 30 апреля – «в 15 часов 30 минут». Другими сведениями Дёниц не располагал, ибо те, кто был с Гитлером до конца, не могли видеть Дёница. Последними живыми свидетелями, прибывшими к Дёницу из бункера, были Риттер фон Грейм и Ханна Рейч, покинувшие Берлин за два дня до конца. Заявление Дёница о том, что Гитлер пал во главе верных ему войск, было чистым вымыслом. Утверждение гроссадмирала о том, что Гитлер погиб 1 мая, не подтверждалось единственным докумен-

¹ Так, по крайней мере, он показал на допросе в 1945 году. В своих «Мемуарах», однако, он указывал и более поздние даты.

том, который был в его распоряжении и где было недвусмысленно сказано, что Гитлер умер 30 апреля. Таким образом, Дёниц оказался в одной компании с Мори, Шпетом и одаренными богатым воображением журналистами, то есть его утверждения тоже не заслуживают доверия. Единственным доказательством смерти Гитлера является телеграмма, подписанная Геббельсом, которого было невозможно допросить, поскольку он был мертв и его тело, в отличие от трупа Гитлера, было обнаружено русскими.

Был, однако, по крайней мере еще один возможный источник достоверных сведений. 9 июня 1945 года маршал Жуков, командующий 1-м Белорусским фронтом, заявил журналистам, что перед своей смертью или бегством Гитлер женился на Еве Браун. Этот удивительный факт (ибо о Еве Браун до этого мало кто слышал даже в Германии) стал известен, по словам Жукова, из дневников адъютантов, обнаруженных русскими в бункере имперской канцелярии. Эти дневники, если они действительно существовали, могли стать важным источником информации, и я решил обратиться к русским за разрешением с ними ознакомиться. Правда, сначала я решил собрать свидетельства на территории, находящейся под юрисдикцией британских и американских властей, а затем, на основании этих свидетельств, попытаться получить от русских дневники и другие данные, которые оказались бы в их распоряжении. До тех пор никто из тех, кто предоставлял информацию о смерти Гитлера, не смог доказать ее достоверность, но, возможно, были и другие свидетели, находившиеся в бункере до его захвата русскими.

Правда, некоторые факты можно считать твердо установленными. В руках союзников находились люди, бывшие с Гитлером до 22 апреля – Дёниц, Кейтель, Йодль, Шпеер и несколько более мелких фигур, – так что относительно этого периода (до 22 апреля) никаких загадок не возникало. 22 апреля Гитлер провел известное совещание своего штаба, на котором дал волю своим эмоциям. После этого совещания он приказал всему штабу покинуть имперскую канцелярию, но сам, несмотря на уговоры, решил остаться в Берлине. Таким образом, у меня не было никаких сведений о том, что происходило в имперской канцелярии с 22 апреля по 2 мая 1945 года, когда канцелярия была захвачена русскими. Свидетели были недостижимы. Но тем не менее они были. Надо было выяснить, кто они, а потом найти их.

В принципе этот вопрос несложен. С Гитлером остались те люди из его окружения, которые находились при нем до 22 апреля и не покинули его в тот день: генералы и политики, гражданские лица и адъютанты, секретари, охрана и солдаты. Список людей, оставшихся с Гитлером, было нетрудно составить; оставалось найти тех, кто бежал из Берлина 22 апреля. Большинство этих лиц было захвачено в плен либо во Фленсбурге, либо в Берхтесгадене. Устроив этим людям перекрестный допрос, можно было выяснить, кто именно остался в Берлине с Гитлером. Искать надо было среди персонала всех званий и рангов, ибо охранники и машинистки могут быть такими же полноценными свидетелями, как генералы и политики. Руководствуясь этими соображениями, я начал поиски беглецов из имперской канцелярии, независимо от их статуса, на территории, оказавшейся под юрисдикцией западных союзников. Вскоре мои усилия были вознаграждены. Политики и генералы были представлены захваченными во Фленсбурге Кейтелем, Йодлем, Шпеером и Дёницем. В Берхтесгадене были обнаружены две секретарши Гитлера – Вольф и Шредер, – бежавшие из Берлина 22 апреля. За охрану Гитлера отвечал 1-й отдел имперской службы безопасности – Reichssicherheitsdienst Dienststelle 1; половина сотрудников этого отдела были 22 апреля эвакуированы в Берхтесгаден и там взяты в плен. Мне удалось допросить их в лагерях в Людвигсбурге и Гармиш-Партенкирхене. Эсэсовская охрана Гитлера осталась при нем в имперской канцелярии, но один офицер из ее состава, гауптштурмфюрер СС Борнхольдт, выехал 22 апреля с особым поручением из Берлина и больше туда не вернулся. Впоследствии он был взят в плен союзниками, и в лагере в Ноймюнстере (Шлез-виг-Гольштейн) я допросил его об оставшихся в Берлине коллегах. Таким образом были найдены представители всех слоев гитлеровского окружения, бежавшие из Берлина до 22 апреля 1945 года включительно. Перекрестный допрос позволил выяснить, кто из

их товарищей остался в Берлине. На основании ответов пленных стало возможным составить полный список мужчин и женщин всех рангов и званий, оставшихся в Берлине после исхода 22 апреля. Эти люди и могли стать свидетелями событий, происшедших в течение «темного периода».

Но как их найти? Эта проблема тоже не так сложна, как могло бы показаться на первый взгляд. Все эти люди числились «пропавшими без вести», но на самом деле люди не исчезают и не испаряются даже в моменты великих катастроф. Они либо погибают, либо остаются в живых. Термин «пропавший без вести» относится не к людям, а к сведениям о них. Если они погибли, то, естественно, не могут выступать в качестве свидетелей. Если же они остались живы, то либо попали в плен, либо остались на свободе. Если они попали в плен, то их можно было найти в лагерях военнопленных – во всяком случае, если они попали в плен к западным союзникам. Если же они остались на свободе, то их надо было искать предпочтительно в родных местах, так как наличие друзей и знание обстановки помогло бы их выживанию. Правда, велик был также риск нарваться на старых недругов, которые легко могли выдать их оккупационным властям (немцы злопамятны). Поэтому во время допросов я собирал сведения о местах проживания возможных свидетелей, и если их имена не значились в списках лагерей военнопленных, то их искали (и иногда находили) дома. Таким способом в разных местах удалось обнаружить и допросить семерых свидетелей интересовавшего меня периода. Кроме того, удалось обнаружить и другие важные материалы по этому делу, свести все данные воедино, и 1 ноября 1945 года я представил первый доклад. Вот эти семь свидетелей: Герман Карнау, полицейский из охраны Гитлера, взятый в плен в Ниенбурге и допрошенный (до меня) представителями канадского и британского командования; Эрих Мансфельд и Хилько Поппен, двое других полицейских, захваченных в Бремене и Фаллингбостеле; Эльзе Крюгер, секретарша Бормана, арестованная в Плоэне (Шлезвиг-Гольштейн) и допрошенная лично мною; Эрих Кемпка, личный шофер Гитлера, схваченный в Берх тесгадене и допрошенный американскими офицерами и мною в Моосбурге; Ханна Рейтч, летчик-испытатель, арестованная в Австрии и допрошенная американскими офицерами; а также баронесса фон Варо, случайно попавшая в бункер. Она была обнаружена одним британским журналистом в Берлине. Баронессу я допросил в ее родовом имении в Бюккебурге. Другими важными источниками стали дневник генерала Коллера (уже опубликованный)², дневник графа Шверина фон Крозига, захваченный вместе с его автором во Фленсбурге, а также документы адмирала Дёница и его «правительства». На основании данных, полученных из этих источников, я составил доклад и представил его сотрудникам британской разведки в Берлине, а также четырехстороннему разведывательному комитету в Берлине. В конце доклада я указал на дополнительные потенциальные источники информации. В частности, я упомянул, что в опубликованном русскими коммюнике было сказано о пленении личного пилота Гитлера Ганса Баура и главы имперской службы безопасности бригаденфюрера Раттенхубера, руководившего сожжением тела Гитлера. Я предположил также, что вместе с ними могли быть взяты в плен и другие важные свидетели. Кроме того, я просил разрешить мне ознакомиться с дневником плененного адъютанта. Записи из него цитировал маршал Жуков, говоря о бракосочетании Гитлера и Евы Браун. Русские приняли мою просьбу, но оставили ее без ответа.

Одновременно сокращенный вариант моего доклада был опубликован в прессе³.

Свидетельств о последних днях Гитлера стало значительно больше за период с момента представления доклада 1 ноября 1945 года до написания книги летом 1946 года. Однако эти

---

² Koller K. Der letzte Monat. Mannheim, 1949.

³ Текст этого сокращенного варианта приводит Уильям Л. Ширер в своей книге «Конец берлинского дневника» (End of a Berlin Diary. New York, 1947). Этот текст был опубликован в британских и американских газетах 2 ноября 1945 года.

данные не изменили мои выводы, за исключением двух мелких деталей⁴, и я сейчас не стану отвечать на вопросы и критику, которой подвергся мой доклад в момент его публикации.

В том, что касается моего доклада от 1 ноября 1945 года, надо признать, что отнюдь не все приняли его с восторгом, и дело здесь не в логических погрешностях или недостатке ясности. Летом и осенью 1945 года многие находчивые журналисты с энергией и энтузиазмом, достойным лучшего применения, гонялись за призраком Гитлера; самоотверженные энтузиасты, которым совесть не позволяла игнорировать даже самые бредовые предположения, охотно и часто посещали живописные озера на швейцарской границе, романтические селения Тирольских Альп и комфортабельные курорты Верхней Австрии. За время этих самоотверженных изысканий было предложено великое множество захватывающих теорий. Однако с приближением зимы, когда вылазки на природу стали менее привлекательными, общее мнение согласилось с тем, что Гитлер, скорее всего, действительно остался в Берлине, и в тайну его судьбы можно проникнуть не посредством утомительных путешествий в суровые Альпы, а путем размышлений в хорошо натопленных барах. Многие из таких исследователей нашли неприемлемым мой доклад, в котором утверждалось, что Гитлер умер в Берлине 30 апреля, как о том написал Геббельс, и что все остальные объяснения его исчезновения не только «противоречат объективным свидетельствам, но и не поддерживаются никакими данными». Эти мои критики не отрицали приведенных доказательств и аргументов, но полагали, что следовало бы повременить с таким окончательным суждением. Критики считали, что сожженное во дворе имперской канцелярии тело могло принадлежать вовсе не Гитлеру, а его «двойнику», которым его подменили в последнюю минуту, повторяя на все лады если не слова, то смысл сказанного по совершенно иному поводу профессором Хэнки: «Не важно, что девять десятых признаков и данных соответствуют какому-либо утверждению и лишь одна десятая данных ему не соответствует; мы будем не мы, если не проигнорируем эти девять десятых и не начнем с пеной у рта настаивать на истинности одной десятой». Более того, некоторые утверждали, что свидетели, на показаниях которых я основал мой доклад, были тщательно отобраны и проинструктированы. Все рассказанные ими истории были заранее уложены в нужную концепцию, и поэтому недостойны доверия. В образовавшемся вакууме можно было лепить неограниченное количество самых разнообразных и фантастических теорий – лишь бы они нравились их творцам и создателям.

Все эти измышления, как мне кажется, могут быть легко опровергнуты. Для этого необходимо лишь оценить их логические следствия. Если половине из дюжины людей по ходу допроса предложить рассказать одну и ту же историю, то можно предположить (допустив, что их не подведет память и они не будут лгать), что они это сделают, даже если обстоятельства ситуации (артиллерийский обстрел и вооруженная борьба) сильно отвлекали их внимание, а условия допроса (в изоляции друг от друга и через полгода после событий) затрудняют припоминание. Но даже в этих идеальных условиях свидетели, согласные во всех деталях, – если их допрашивать, не выходя за пределы заготовленного ими текста, – будут неизбежно расходиться в показаниях, если допрашивающий начнет спрашивать их о второстепенных деталях, когда ответы будут зависеть не от согласованного текста, а от их собственного воображения. С другой стороны, если свидетели говорят правду – насколько это в их силах – о том, что они действительно пережили, то в совокупности их ответы будут подчиняться противоположной тенденции. Сначала их ответы будут разниться, так как все люди обладают разными способностями к наблюдению и воспоминанию. Но по мере того как допрашивающий будет отбрасы-

---

⁴ В докладе, представленном 1 ноября 1945 года, я – в отсутствие надежных свидетельств – предположил, что бракосочетание Гитлера и Евы Браун состоялось вечером 29 апреля. По уточнении данных выяснилось, что это бракосочетание состоялось ранним утром 29 апреля. В докладе я также упомянул об утверждении Гебхардта, будто он посетил бункер 23 или 24 апреля. Полученные позже данные убедили меня в том, что этого просто не могло быть. Допросив Гебхардта, я установил, что в последний раз он был в бункере 22 апреля, о чем я и написал в книге.

вать эти разночтения, начнет вырисовываться истинная, согласованная картина интересующих его событий. Допрашивающий постепенно выявляет важные факты и, оценивая их, начинает судить о том, насколько правдивой является рассказанная ему история. По убедительности изложенных фактов я считаю, что многочисленные допрошенные мною об обстоятельствах смерти Гитлера непосредственные или косвенные свидетели не рассказывали мне заранее заготовленную историю, а пытались самостоятельно вспомнить то, что они видели сами.

Для иллюстрации я приведу небольшой пример. Охранник Карнау все время утверждал, что трупы Гитлера и Евы Браун вспыхнули мгновенно, словно от случайной искры. Шофер Гитлера Кемпка, напротив, утверждал, что трупы поджег Гюнше. Эти две версии кажутся несовместимыми, но перекрестный допрос и анализ показывают, что это всего лишь два взгляда на один и тот же факт. Гюнше поджег трупы, бросив на них горящую тряпку. Но он бросил ее с нижних ступеней входа в бункер, и Карнау, стоявший на вышке, не мог его видеть. Истина здесь выявляется рациональным анализом несовпадения показаний. Если бы Карнау и Кемпка твердили заранее заученный текст, то никакого несовпадения в их показаниях мы бы не увидели с самого начала.

В докладе от 1 ноября содержалась просьба к русским о предоставлении дополнительной информации. Эту информацию мы так и не получили, но данные из других источников продолжали поступать, обогащая общую картину, но не меняя, впрочем, главных выводов и заключений. Правда, к 1 ноября расследование продолжалось всего полгода, а это очень короткий срок для того, чтобы идентифицировать, отследить, найти и допросить всех возможных свидетелей. Среди важных дополнительных свидетелей, арестованных и допрошенных после 1 ноября, был, например, Артур Аксман, сменивший Бальдура фон Шираха на посту главы гитлерюгенда, задержанный в декабре 1945 года в Баварских Альпах в результате сложной англо-американской разведывательной операции. Однако самым важным источником информации стали обнаруженные зимой 1945/46 года документы, подтвердившие выводы моего ноябрьского доклада: личное и политическое завещание Гитлера, а также свидетельство о его браке с Евой Браун.

В конце ноября 1945 года, когда уехал в отпуск и вернулся в Оксфорд, я получил из штаб-квартиры британской администрации в Бад-Эйнхаузене сообщение о том, что обнаружен документ, предположительно являющийся завещанием Гитлера, хотя аутентичность его вызывает сомнения. К тому времени я уже располагал некоторой информацией о завещании Гитлера, так как в телеграмме, которой Геббельс извещал Дёница о смерти Гитлера, упомянуто и о завещании фюрера, составленном 29 апреля и содержащем указания политического характера. Этот документ был якобы послан Дёницу. Сам Дёниц, в свою очередь, утверждал, что отправил специальный самолет для встречи нарочного с документами, но пилот, который должен был встретиться с курьером в Хафеле, разминуслся с ним и вернулся без документов. Так как обнаруженный документ был датирован 29 апреля и содержал несколько указаний политического характера, включая упомянутые в телеграмме Геббельса, можно было предположить, что документ является подлинным. Однако в той же телеграмме Геббельса, которая, казалось бы, свидетельствовала об аутентичности завещания, было сказано, что существует не менее трех таких документов, направленных соответственно Дёницу, фельдмаршалу Шернеру (командовавшему тогда группой армий в Чехии) и в партийный архив в Мюнхене. Таким образом, стала очевидной необходимость исследовать обстоятельства обнаружения документа.

Летом 1945 года к британским военным властям в Ганновере обратился люксембургский журналист Жорж Тьер. Этот Тьер искал работу и утверждал, что хорошо осведомлен о многих вещах и располагает интересной информацией о жизни Гитлера в берлинском бункере, но, так как он не смог привести какие-либо доказательства своей причастности к этим высоким политическим сферам, его заявление было оставлено британцами без внимания. Позже, однако,

этот человек был задержан по подозрению в использовании подложных документов. После ареста выяснилось, что он не люксембуржец, а немец, и что его настоящее имя не Жорж Тьер, а Хайнц Лоренц. Он был интернирован, а в ноябре 1945 года, во время рутинного обыска, в подкладке его пиджака были найдены какие-то бумаги. Это оказалось личное и политическое завещание Гитлера, а также документ, подписанный Геббельсом и озаглавленный: «Дополнение к политическому завещанию фюрера». На допросе Лоренц признался, что был в бункере Гитлера до конца и получил задание доставить найденные у него документы в Мюнхен. Лоренц подтвердил утверждение Геббельса о том, что всего было три копии этих документов. Лоренц также показал, что во время бегства из Берлина его сопровождали еще два человека – майор Вилли Иоганмайер, который должен был доставить политическое завещание Гитлера фельд-маршалу Шернеру, и штандартенфюрер СС Вильгельм Цандер, который должен был доставить адмиралу Дёницу оба завещания и свидетельство о браке Гитлера с Евой Браун. Таким образом, для того, чтобы окончательно убедиться в подлинности представленных документов, надо было найти Иоганмайера и Цандера.

Отыскать Иоганмайера оказалось легко, так как он, не прячась, жил с родителями в Изерлоне. Этот простой и мужественный служака, безусловно преданный Гитлеру, поначалу отрицал, что вообще был в бункере, но потом, поняв, что запирательство бесполезно, стал утверждать, что был лишь сопровождающим Цандера и Лоренца, – он должен был провести их через русские позиции. О порученной этим офицерам миссии он ничего не знал и ни о чем их не спрашивал. Мы не смогли ничего больше от него добиться, и, несмотря на явное противоречие между его показаниями и показаниями Лоренца, Иоганмайер почти убедил следователей. Как бы то ни было, вести расследование дальше было невозможно без показаний Цандера.

Дом Цандера находился в Мюнхене, но все указывало на то, что в Мюнхене он – после поражения Германии – не появлялся. Жена Цандера жила со своими родителями в Ганновере и утверждала, что не видела мужа с конца войны. Женщина сказала, что надеется узнать какие-либо новости о муже, и даже дала следователям фотографии Цандера вместе с адресом его матери и братьев в надежде получить хоть какие-то сведения о нем. Однако эти следы завели розыск в тупик. В конце концов стало ясно, что все это была хорошо спланированная игра, имевшая целью замести следы и запутать следователей. Посетив Мюнхен в декабре 1945 года, я вскоре убедился в том, что Цандер жив и скрывается, а фрау Цандер, стремясь выгородить мужа, сумела убедить его мать и братьев в том, что он мертв. Опросив нескольких местных жителей, я установил, что Цандер – под именем Фридриха-Вильгельма Паустина – жил и работал садовником в одной деревне на берегу Тегернзе.

С этого момента арест Цандера стал лишь вопросом времени. В комендатуре Тегернзе мы проверили все перемещения Цандера и выяснили, что он проживает в деревушке Айденбах близ Пассау – недалеко от австрийской границы. Я прибыл туда в сопровождении офицеров американской разведки, и там, в 3 часа ночи 28 декабря, Цандер был арестован. Он жил в этой деревне вместе с секретарем Бормана. Во время допроса он показал себя разочаровавшимся в нацизме идеалистом. Поняв, что его прежний мир безвозвратно погиб, он не стал ничего скрывать. Его показания полностью соответствовали показаниям Лоренца. Цандер с документами добрался до Ганновера, а оттуда, осознав, что доставить документы Дёницу физически невозможно, отправился пешком в Мюнхен и спрятал документы в шкатулку. Эта шкатулка находилась у его друга в Тегернзе, однако возвращаться туда за ней нам не пришлось. Встревоженный ночным арестом, друг Цандера предпочел добровольно сдать шкатулку оккупационным властям. В ней действительно были обнаружены те документы, о которых говорил Лоренц, – два завещания Гитлера и свидетельство о браке.

После ареста Цандера мы вернулись в Северную Германию, к несгибаемому Иоганмайеру, мнимую неосведомленность которого опровергли своими показаниями оба его спутника. Тем не менее Иоганмайер продолжал твердо держаться своей версии. Документов у него нет,

говорил он, и представить их нам он поэтому не может. Было ясно, что им двигала лишь верность присяге. Ему было сказано, что эти документы ни в коем случае не должны были попасть в руки союзников, и он был преисполнен решимости выполнить этот приказ, невзирая ни на какие обстоятельства. Этого бесстрашного и неподкупного вояку можно было переубедить только доводами разума, и я воззвал к разуму: он не может дать нам ничего нового. Мы не можем верить в его историю, так как она противоречит другим показаниям и объективным данным. У нас нет никакого интереса удерживать его в тюрьме, но он будет сидеть до тех пор, пока не объяснит нам свое непонятное упрямство. В течение двух часов Иоганмайер стойко сопротивлялся и этим доводам. Они не могли пробить его твердолобое упрямство. Но после паузы обращение все же произошло. На допросах прессинг должен быть непрерывным, но убеждение нуждается в паузах, ибо только в этих паузах человек обдумывает и оценивает аргументы. Именно во время паузы в допросе Иоганмайер все обдумал и убедился в нашей правоте. Он решил (как он объяснил нам во время долгого пути в Изерлон), что уж если его спутники, высокопоставленные партийные чины, смогли так легко предать свои нацистские идеалы и своих руководителей, то зачем донкихотствовать ему, простому беспартийному солдату, страдать и защищать уже про данное и преданное дело. Итак, после паузы, когда мы снова приступили к этому нескончаемому допросу, он просто сказал: «Ich habe die Papiere»⁵. Собственно, ему не надо было больше ничего говорить. На машине мы поехали в Изерлон, где Иоганмайер привел меня на огород за домом. Было уже темно. Топором Иоганмайер разбил мерзлую землю и вытащил из тайника бутылку. Бутылку он тоже разбил топором, извлек из нее и протянул мне последний недостающий документ – третью копию политического завещания Гитлера, а также эмоциональное письмо, в котором генерал Бургдорф сообщал фельдмаршалу Шернеру «потрясающую новость об измене Гиммлера», которая и заставила Гитлера изменить свою последнюю волю.

После обнаружения этих документов свидетельства о последних днях Гитлера можно было в принципе считать полными, однако запущенная система поиска продолжала приносить свои плоды. В январе, через две недели после капитуляции Иоганмайера, был обнаружен подполковник фон Белов, изучавший в то время юриспруденцию в Боннском университете. Фон Белов был последним, кто покинул бункер имперской канцелярии до смерти Гитлера с письмом, в котором содержались прощальные упреки Гитлера в адрес штаба ОКХ. Затем весной и летом 1946 года были найдены и допрошены две секретарши Гитлера – Кристиан и Юнге. Кристиан удавалось избегать ареста с осени 1945 года, когда я на несколько дней разминулся с ней в доме ее матери в Рейн-ланд-Пфальце. Эти аресты и допросы множества второстепенных действующих лиц добавили интересные подробности к делу и разрешили некоторые принципиальные сомнения, но не изменили основные выводы. Суть истории последних дней Гитлера осталась неизменной после публикации доклада 1 ноября 1945 года.

Такова история проведенного мною в 1945 году расследования, на основании результатов которого я впоследствии, с разрешения и при поддержке британской разведки, написал эту книгу. После публикации она сразу вызвала возражения со стороны тех, кто предпочитал иные трактовки; однако, поскольку мир забыл этих критиков, я не стану, называя их имена, тревожить блаженную память их заблуждений. Лучше я перейду к рассмотрению новых свидетельств, полученных после выхода книги в свет. Эти новые данные могут подтвердить, дополнить или опровергнуть мои выводы. В частности, я разберу показания свидетелей, которые к моменту начала моего расследования исчезли в русских лагерях, но теперь, десять лет спустя, были наконец освобождены и теперь могут рассказать свои истории.

---

⁵ Эти бумаги у меня (нем.).

Всего основных свидетелей, которых я безуспешно искал в 1945 году, было пять. Это эсэсовец Отто Гюнше, адъютант Гитлера, и Хайнц Линге, личный камердинер Гитлера, — эти двое, несомненно, видели Гитлера мертвым и принимали участие в кремации его трупа; Иоганн Раттенхубер, начальник охраны Гитлера, знавший, по моему мнению, место захоронения останков Гитлера; Ганс Баур, личный пилот Гитлера, бывший при нем до самого конца; и Гарри Менгерахаузен, сотрудник охраны, знавший, по косвенным сообщениям, место захоронения останков Гитлера. Были, конечно, и другие важные свидетели, которых мне не удалось найти, но мне больше, чем остальные, были нужны именно эти пятеро, так как я располагал надежными сведениями о том, что они живы. Гюнше и Линге были опознаны среди немцев, плененных русскими в Берлине, и они сами включили имена Баура и Раттенхубера в список пленных, опубликованный в коммунике, обнародованном 6 мая 1945 года. Однако, как я уже упоминал, наши просьбы остались без ответа; русские отклонили их, и в конце концов я написал книгу, не допросив этих свидетелей. Однако связь с этими пленными была утрачена не полностью. В последующие годы я получал сведения о них от их более удачливых товарищей, которым посчастливилось вернуться из плена в Германию. От них я узнал, что эти люди были живы и находились либо в Лубянской тюрьме НКВД в Москве, либо в заполярном лагере в Воркуте, либо в большом лагере для военнопленных под Свердловском. Иногда мне удавалось — правда, через третьи руки — получать от них отрывочные истории о последних днях в бункере имперской канцелярии. Потом, после визита канцлера Конрада Аденауэра в Москву осенью 1955 года, ворота лагерей были открыты, и к январю 1956 года все пятеро свидетелей вернулись в Германию. Один из них, Гюнше, по-прежнему оставался недоступным, так как русские считали его военным преступником и перевели в Восточную Германию, где он был помещен в другую коммунистическую тюрьму в Баутцене⁶. Однако остальные четверо, вернувшись в Западную Германию, смогли рассказать миру свою историю. Линге, оказавшись в Западном Берлине, не стал терять время и опубликовал в прессе свои воспоминания⁷. Баур, Раттенхубер и Менгерахаузен откровенно ответили на все мои вопросы в частных беседах, состоявшихся в Германии во время моих посещений.

Каков же был результат их откровений? В целом они подтвердили правильность изложенной мною истории, составленной на основании других источников. Их рассказы не противоречили моей версии и, мало того, не внесли в нее какие-либо существенные коррективы⁸. Дополнили ли эти рассказы мою историю или расширили ее? В частности, пролили ли они свет на некоторые загадки, которые я был вынужден оставить без ответа? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала спросить: что это за нерешенные загадки? Их две. Во-первых, что стало с телами Гитлера и Евы Браун после того, как они были сожжены во дворе имперской канцелярии? И во-вторых, куда исчез Мартин Борман?

В том, что касалось места захоронения тел Гитлера и Евы Браун, у меня в 1945 году не было никаких надежных данных. Было, правда, одно свидетельство, полученное от охранника Эриха Мансфельда, который в полночь с 30 апреля 1945 года заметил, что одна круглая воронка во дворе имперской канцелярии приобрела прямоугольную форму, и решил, что именно в ней захоронили Гитлера и Еву Браун. Были и другие свидетельства относительно того, что тела захоронили сотрудники охраны. Артур Аксман, глава гитлерюгенда, решительно настаивал на том, что трупы «захоронили в одной из многочисленных воронок в саду импер-

---

⁶ В мае 1956 года Гюнше был освобожден и бежал в Западную Германию; однако его заявления в прессе просто подтвердили то, что я написал в книге.

⁷ Эти воспоминания были опубликованы на английском языке в *News of the World* (в номерах с 23 октября 1955 по 1 января 1956 года) и на немецком языке в мюнхенском *Revue* (в номерах с 26 ноября 1955 по 11 февраля 1956 года).

⁸ В некоторых газетах, например в *The Observer* от 9 октября 1955 года и в *Manchester Guardian* от 10 октября 1955 года, появились сообщения о том, будто Баур лично видел, как застрелился Гитлер. Это было недоразумение. И сам Баур опроверг эти сообщения.

ской канцелярии». С другой стороны, были и другие сведения о том, что творилось в то время в бункере, и поэтому окончательное суждение было невозможно, и я решил оставить вопрос открытым. Но теперь его можно считать решенным. Линге и Раттенхубер, вернувшиеся в Германию в октябре 1955 года, утверждали, что, несмотря на то что сами они этого не видели, все в бункере говорили о том, что тела Гитлера и Евы Браун были захоронены в одной из воронок. К этому Раттенхубер добавил, что его лично просили найти флаг, в который хотели завернуть тело Гитлера перед погребением, но найти флаг Раттенхубер не смог. Три месяца спустя в Бремен вернулся из плена Менгерсхаузен, который, подтвердив сказанное Раттенхубером, добавил, что сам лично рыл могилу. Менгерсхаузен утверждал, что тела не только не были окончательно сожжены, но даже не стали неузнаваемыми. Он похоронил их на трех деревянных досках на глубине около метра. Менгерсхаузену помогал солдат по фамилии Гланцер, который был затем убит в одном из последних боев на улицах Берлина. Таким образом, место первого захоронения трупа Гитлера перестало быть тайной. С другой стороны, вопросы все равно оставались, потому что тела впоследствии были эксгумированы и вывезены в неизвестном направлении.

Но довольно о первом вопросе. Коснемся теперь второго вопроса: что случилось с Мартином Борманом? В 1945 году свидетельства по этой проблеме были неясными, запутанными и противоречивыми. Несколько свидетелей утверждали, что Борман был убит в танке, взорванном в результате прямого попадания фаустпатрона во время попытки прорыва на мосту Вейдендам в ночь с 1 на 2 мая. С другой стороны, все свидетели утверждают, что после взрыва возникло сильное замешательство, и никто из них не видел труп Бормана. Один из свидетелей, Эрих Кемпка, признает, что был ослеплен взрывом, но тогда трудно понять, как бы он смог рассмотреть труп Бормана⁹. Более того, уже в 1945 году я допросил троих свидетелей, которые, независимо друг от друга, утверждали, будто сопровождали Бормана в попытке бежать из Берлина. Один из этих свидетелей, Артур Аксман, говорил, что лично видел Бормана мертвым. Верить или не верить Аксману – в данном случае это дело личного выбора, ибо его слова не подтверждаются никакими другими свидетельствами. В пользу Аксмана говорит то, что все остальные его свидетельства оказались правдивыми. С другой стороны, если он хотел защитить Бормана от дальнейших преследований, то, естественно, он должен был дать ложные показания о его смерти. В такой ситуации я в 1945 году пришел к единственно возможному заключению: Борман определенно пережил взрыв танка, но, возможно, хотя в этом нет никакой уверенности, погиб в Берлине позже той же ночью. Таково было положение дел в 1945 году. Изменилась ли ситуация теперь, в 1956 году, в свете новых данных?

Ответ один: ни на йоту. С одной стороны, Линге и Баур в один голос утверждают, будто Борман был убит во время взрыва танка, – по крайней мере, они утверждают, что думают, будто он погиб, но на фоне возникшей неразберихи они не видели его труп. С другой стороны, Менгерсхаузен уверенно утверждает, что Борман не погиб от того взрыва. Он говорит, что Борман действительно ехал в танке, но подбит был другой танк. Мало того, уже после 1945 года всплыл еще один свидетель, утверждавший, что был с Борманом уже после взрыва. Этим свидетелем стал бывший штурмбаннфюрер СС Иохим Тибуртиус, заявивший об этом в интервью одной швейцарской газете¹⁰. В возникшей после взрыва сумятице, рассказал Тибуртиус, «я потерял Бормана из виду, но потом видел его в гостинице «Атлас». К тому времени он уже переоделся в гражданскую одежду. Мы вместе пошли по направлению к Шиффбауэрсам и к Альбрехтштрассе. После этого я окончательно потерял его из виду. Но у него был неплохой шанс – как и у меня – бежать из города».

⁹ Тем не менее Кемпка продолжал упрямо настаивать на своем, описав «смерть» Бормана в своей книге «Я сжег Адольфа Гитлера» (Ich habe Adolf Hitler verbrannt. Мюнхен, 1950).

¹⁰ Der Bund (Бёрн) от 17 февраля 1953 года.

Таким образом, имеющиеся свидетельства вынуждают нас поверить в то, что Борман пережил катастрофу, а показания Аксмана нуждаются в дополнительном подтверждении. Если мы и можем поверить в смерть Бормана, то только потому, что никто пока не представил неопровержимых доказательств того, что он был жив после 1 мая 1945 года.

Таков вклад, внесенный новыми свидетелями в реконструированную после 1945 года историю. С моей точки зрения, эти свидетельства практически ничего не добавили к ней в исторической перспективе. Подтвердился тот факт, что труп Гитлера был захоронен в бомбовой воронке во дворе имперской канцелярии. Судьба Мартина Бормана так и осталась неизвестной. Но, если эти свидетели ничего не добавили к моей истории о последних днях Гитлера, их свидетельства тем не менее пролили свет на другой важный предмет – на отношение русских к проблеме последних дней Гитлера. Уже в 1950 году, во втором издании этой книги, я смог очертить политику русских в этом вопросе. Теперь, получив новые данные, дополняющие мой рассказ, я могу завершить и эту историю.

Рассуждая теоретически, у русских в этом отношении не было больших проблем, так как все улики и свидетельства были у них в руках с самого начала. 2 мая 1945 года был захвачен бункер, в котором погиб Гитлер. Приблизительно в то же самое время русские захватили в плен – в пивной на Шенхойзераллее – ряд лиц из непосредственного окружения Гитлера, знавших факты. Двоих из этих лиц опознали уже на четвертый день. Сад имперской канцелярии, где было захоронено тело Гитлера, находился – и продолжает находиться до сих пор – под контролем русских. Более того, еще до захвата имперской канцелярии русским было со стороны немцев сделано официальное заявление о смерти Гитлера, а также неофициальные разъяснения относительно обстоятельств этой смерти. Это заявление было сделано генералом Гансом Кребсом.

Читатели этой книги узнают, что в ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года генерал Кребс был направлен в штаб русских с предложением о перемирии с Борманом и Геббельсом, которые де-факто выступали как преемники Гитлера. Но генерал Кребс был не только последним начальником Генерального штаба вооруженных сил гитлеровской Германии и свидетелем составления личного и политического завещания Гитлера – Кребс до войны был помощником немецкого военного атташе в Москве. Он бегло говорил по-русски и был лично знаком со многими высокопоставленными командирами Красной армии. Кребс всегда был горячим сторонником русско-германского сотрудничества, за что его однажды по-отечески обнял Иосиф Сталин. Таким образом, этот эмиссар, прибывший на советские позиции в первые часы после смерти Гитлера, не был незнакомцем ни для командующего фронтом маршала Жукова, ни для командующего 8-й гвардейской армией генерала Чуйкова¹¹. Помимо всего прочего, Кребс должен был как-то объяснить русским, почему письмо, подтверждавшее его полномочия, было подписано не Гитлером, а Борманом и Геббельсом. Согласно опубликованному в то время сообщению русских, Кребс сказал: «Я уполномочен сообщить советскому Верховному командованию, что вчера, 30 апреля, фюрер Адольф Гитлер по собственной воле покинул этот мир». Это официальное заявление является, естественно, сухим и бесцветным: мы не знаем, во время какого из своих визитов – первого или второго, последовавшего через несколько часов после него, Кребса заставили подкрепить или обосновать это заявление. По этому поводу можно сказать только одно: как непосредственный свидетель и как человек, свободно говорящий по-русски, Кребс мог легко это сделать. Как бы то ни было, о самом факте самоубийства Гитлера

---

¹¹ В официальном отчете об этой встрече, опубликованном подполковником Трояновским в армейской газете «Красная звезда», утверждалось, что Кребс видел Чуйкова. В более подробном отчете, опубликованном в дюссельдорфской газете *Der Fortschritt* 19 мая 1955 года, говорилось, что Кребс встретился также и с Жуковым. Согласно этому последнему рассказу, основанному на воспоминаниях пленных, слышавших его от вернувшегося в канцелярию Кребса, встреча с русскими проходила в довольно теплой обстановке. Кребса угостили рюмкой водки и рассказали о событиях в бункере.

Кребс сообщил русским в течение нескольких часов после этого события¹². Оставалось лишь проверить подлинность сообщения.

Не может быть никаких сомнений в том, что в течение следующей недели русские занялись этим вплотную. 13 мая Гарри Менгерсхаузену, сотруднику охраны, который хоронил труп Гитлера, был показан весьма важный документ. Менгерсхаузен был взят в плен в ночь с 1 на 2 мая, но в течение десяти дней упорно отрицал свою причастность к захоронению останков Гитлера. Однако после предъявления того документа он счел дальнейшее заперительство бессмысленным и начал благоразумно давать показания. Документ этот, датированный 9 мая, представлял собой полное описание смерти Гитлера и захоронения его останков Менгерсхаузену. Документ был составлен для русских другим немцем, принимавшим участие в захоронении. Вероятно, этим немцем был Гюнше¹³. Этот документ был второй (по меньшей мере) частью доказательства, которым располагали русские, и его достоверность была подтверждена тем, что он позволил развязать язык Менгерсхаузену.

Немедленно после получения признания в участии в захоронении останков Гитлера Менгерсхаузен был доставлен во двор имперской канцелярии, где от него потребовали показать могилу Гитлера. Менгерсхаузен без колебаний отвел конвой к одной из воронок, но, оказалось, что она разрыта и тел Гитлера и Евы Браун в ней не было. Ясно, что русские воспользовались полученными ранее показаниями других свидетелей, а показания Менгерсхаузена использовали лишь для подтверждения.

Действительно, теперь ясно, что русские эксгумировали трупы 9 мая, в день, когда получили документ с описанием смерти и захоронения. В тот же день два русских офицера – мужчина и женщина – пришли в приемную доктора Хуго Блашке, на Уланштрассе. Доктор Блашке был личным дантистом Гитлера. Однако этот Блашке не стал дожидаться прихода русских; он бежал из Берлина в Мюнхен, а его практику унаследовал другой зубной врач, еврей из Силезии, доктор Феодор Брук. Русские попросили доктора Брука показать им медицинскую карту Адольфа Гитлера. Брук ответил, что он не в курсе дел Блашке, и направил их к его ассистентке Кете Хойземан, которую он унаследовал вместе с практикой. Эта Хойземан, по странному стечению обстоятельств, во время осады Берлина пряталась в имперской канцелярии и стала свидетельницей многих деталей последних дней Гитлера. Госпожа Хойземан сказала русским, что Гитлер никогда сам не появлялся в амбулатории Блашке, тот всегда сам ездил в имперскую канцелярию, и именно в медицинской части канцелярии следует искать нужные медицинские документы – если они существуют, то находятся именно там. Сама Кете Хойземан не один раз сопровождала доктора Блашке в его визитах в имперскую канцелярию и была хорошо осведомлена о состоянии зубов Гитлера. Так, она описала некоторые характерные особенности: мосты на верхней и нижней челюсти, а также «облицованную коронку», какие редко использовались в современной стоматологии, на одном из резцов¹⁴. После этого Кете Хойземан доставили в имперскую канцелярию, но никаких документов там не нашли, и фрейлейн Хойземан отвезли в главный штаб русских в Бухе. Там один русский офицер показал Хойземан ящик из-под

---

¹² Во введении ко второму изданию я упомянул о демарше чехословацкого правительства, потребовавшего суда над Кребсом, как над военным преступником. Однако в действительности чехи требовали выдачи не начальника гитлеровского Генерального штаба, а другого Ганса Кребса, организатора национал-социалистического движения в Чехословакии, ставшего впоследствии почетным гаулейтером протектората Чехии и Моравии. По имеющимся данным, генерал Кребс покончил с собой в бункере. По крайней мере, об этом сообщил русским после своего пленения генерал Вейдлинг, о чем русские сообщили 9 июня 1945 года, хотя и после этого Сталин в Москве продолжал утверждать, что Кребс остался жив и бежал.

¹³ Менгерсхаузен до сих пор отказывается назвать имя автора этого документа, из чего я могу заключить, что он (автор) в настоящее время жив. Из всех оставшихся в живых свидетелей Гюнше был самым информированным. Но были и другие свидетели, которые могли снабдить русских достаточным материалом, хотя, возможно, и из вторых рук.

¹⁴ Точность этого описания зубов Гитлера подтверждается данными рентгенограмм черепа Гитлера, сделанных во время медицинского обследования после взрыва бомбы Штауффенберга 20 июля 1944 года. Эти снимки находились в архиве лечащего врача Гитлера доктора Мореля. Я хочу выразить благодарность доктору Д.С. Хэйтону Вильямсу за любезное описание этих снимков.

сигар. В ящике лежал Железный крест, значок члена нацистской партии и несколько зубных протезов. Когда Кете Хойземан спросили, знакомы ли ей эти протезы, она ответила, что это, несомненно, зубные протезы фюрера, Адольфа Гитлера, и, вероятно, Евы Браун. 11 мая фрейлейн Хойземан освободили, и она вернулась к доктору Бруку, которому подробно рассказала свою эпопею. Через несколько дней в амбулаторию явился посыльный и принес Кете Хойземан письмо, в котором ей предлагали собрать вещи для отъезда на несколько недель. Тогда доктор Брук в последний раз видел свою помощницу. Восемь лет спустя из русской тюрьмы вернулась одна женщина, которая рассказала, что в Бутырской тюрьме осталась ее сокамерница, некая Кете Хойземан, которая прожужжала всем заключенным уши своими рассказами о последних днях Гитлера и о его извлеченных из могилы зубных протезах¹⁵.

Рассказ фрейлейн Хойземан подтверждается показаниями другого свидетеля, которому тоже было предложено идентифицировать зубные протезы Гитлера. Этим свидетелем был зубной техник Фриц Эхтман, который изготавливал в 1944 году протезы для Гитлера и Евы Браун. Ему тоже показали сигарный ящик с тем же содержимым. Эхтман, так же как Хойземан, опознал эти протезы и тоже был отправлен в тюрьму. Правда, не в Бутырскую, а в Лубянскую. Позже он сидел в одной камере с Гарри Менгерсхаузенем и мог делиться с ним своими воспоминаниями. В 1954 году Эхтман был освобожден и, вернувшись в Германию, дал показания в окружном суде в Берхтесгадене, где решался вопрос о том, можно или нет выдать официальное свидетельство о смерти Гитлера¹⁶.

Таким образом, становится ясно, что к 9 мая, то есть к моменту ареста Эхтмана и Хойземан, русские уже эксгумировали трупы Гитлера и Евы Браун. Возможно, эксгумация была проведена 9 мая, ибо именно в этот день русские получили письменный документ с описанием местоположения могилы. По-видимому, эксгумация была проведена специальным подразделением НКВД, так как служащий этого подразделения капитан Федор Павлович Василький (?) рассказывал впоследствии одному восточногерманскому офицеру, в квартире которого жил, о том, как охранялись тела Гитлера и Евы Браун¹⁷. «Череп Гитлера, – рассказывал Василький, – был почти цел, во всяком случае свод, верхняя и нижняя челюсть». Василький подтвердил, что идентичность трупа была затем «неоспоримо» подтверждена по зубам. Наконец, в конце мая, русские сделали следующий шаг – они показали Менгерсхаузену труп Гитлера.

Менгерсхаузен сам описал это опознание. На машине его привезли в лес в районе Финов под Берлином. Там Менгерсхаузену показали почерневшие обугленные трупы, положенные в большие деревянные ящики. Менгерсхаузена попросили опознать трупы. Несмотря на повреждения, вызванные огнем и разложением, он легко опознал их. Это были тела Геббельса, Магды Геббельс и Гитлера. Геббельс и Магда Геббельс были обожжены лишь поверхностно, труп Гитлера же был разрушен намного сильнее. Стопы были практически уничтожены огнем, кожа и мягкие ткани были сильно обожжены и почернели, но строение лица было узнаваемо. В виске виднелось пулевое отверстие, однако верхняя и нижняя челюсти остались нетронутыми. После опознания Менгерсхаузен был доставлен обратно в тюрьму. Что стало после этого с трупами, он не знает. Три месяца спустя он, как Хойземан и Эхтман, был отправлен в Россию – на одиннадцать лет.

Таким образом, к началу июня русским были известны обстоятельства смерти Гитлера. Были опознаны могила и труп – на основании нескольких подтверждавших друг друга свидетельств. Помимо свидетельства Кребса в ночь с 30 апреля на 1 мая, не говоря о других показа-

---

¹⁵ The Times от 9 июля 1945 года (рассказ доктора Брука); Süddeutsche Zeitung от 30 декабря 1953 года (рассказ госпожи Лизелотты Шпальке).

¹⁶ Süddeutsche Zeitung от 30 декабря 1953 года: свидетельство Менгерсхаузена (The Times от 14 октября 1954 года). Еще одним дантистом, имевшим несчастье заниматься зубами Гитлера и проводившим в связи с этим десять лет в России, стал доктор Хельмут Кунц (см. Süddeutsche Zeitung от 21 октября 1953 года).

¹⁷ Das Bild от 26 января 1956 года.

ниях, которые они могли получить от прочих обитателей бункера, у них в руках был документ от 9 мая, ценность которого подтверждается тем, что с его помощью удалось сломить упорство Менгерсхаузена, – русские смогли заставить его показать могилу и опознать находившийся в ней труп. Более того, русские располагали показаниями Хойземан и других свидетелей последних дней в бункере, и, наконец, у русских были заключения Хойземан и Эхтмана о зубных протезах Гитлера. Далее, в распоряжении русских оказались – по крайней мере, маршал Жуков утверждал, что оказались, – дневники «попавших в плен адъютантов», откуда он впоследствии почерпнул сведения о бракосочетании Гитлера и Евы Браун. Возможно, эти «дневники» были идентичны документу, опубликованному 9 июня, но он был, скорее всего, реконструкцией, а не подлинным дневником. Наверное, у русских были и другие, возможно, весьма многочисленные документы. Все эти свидетельства хорошо согласовывались между собой и указывали на один вывод, и, хотя теоретически свидетельства могли быть подложными, большое их количество исключает возможность такого серьезного и разветвленного заговора. Таким образом, к первой неделе июня у русских было множество свидетельств и доказательств (или, во всяком случае, материалов для извлечения доказательств), способных пролить свет на обстоятельства последних дней Гитлера. Во всяком случае, у них было намного больше данных, чем у меня пять месяцев спустя.

Но в таком случае мы имеем полное право задать вопрос: почему русские так и не опубликовали выводы своего расследования? Может быть, они просто не хотели открывать известные им факты? Однако все их поведение в то время – поиск документов, аресты свидетелей, повторные опознания¹⁸ – опровергает такое допущение. Может быть, русские были просто некомпетентны в разведке? Во всяком случае, обыск в имперской канцелярии был на удивление поверхностным. Дневник Гитлера, увесистая переплетенная тетрадь формата 18 на 36 сантиметров оставалась лежать на стуле Гитлера четыре месяца – до тех пор, пока ее случайно не обнаружил один английский визитер. Однако нельзя отрицать, что русские проявили подлинный профессионализм в допросах пленных, и я не думаю, что мы можем льстить себе предположением о том, что русская разведка работает хуже, чем наша. Если мы хотим непредвзято ответить на этот вопрос, то должны отказаться от такого допущения и внимательно оценить все относящиеся к этому делу факты.

Не может быть никакого сомнения в том, что в первую неделю июня русские в Берлине признали факт смерти Гитлера. 5 июня, когда командующие союзными армиями встретились в Берлине для обсуждения принципов создания четырехсторонней администрации, «высокопоставленные русские офицеры» говорили офицерам генерала Эйзенхауэра, что тело Гитлера было обнаружено и «надежно» опознано. Офицеры указывали, что это было одно из четырех тел, обнаруженных на территории имперской канцелярии. Оно было сильно обуглено – этот факт они приписывали (ошибочно, как мы теперь знаем) действию огнеметов, которыми русские расчищали себе доступ в канцелярию. Трупы, говорили далее русские офицеры, были исследованы русскими врачами, и это исследование позволило с почти полной уверенностью идентифицировать покойников¹⁹. Если русские не сделали официального заявления о смерти Гитлера, говорили русские офицеры, то только потому, что хотели это сделать лишь после того,

¹⁸ Русские опознавали труп Геббельса трижды. Первый раз 2 мая, когда его идентифицировал Ганс Фриче. Потом – 20 мая, когда труп опознал Вильгельм Эккхольдт, сотрудник личной охраны Геббельса; а затем, в конце мая, как уже было сказано, труп Геббельса опознал Менгерсхаузен.

¹⁹ В этой связи интересно отметить, что Артур Аксман на допросе в 1946 году показал, что, «хотя это и не было заметно при наружном осмотре трупа Гитлера (который он сам видел), но если бы он выстрелил себе в рот, то неизбежно были бы повреждены зубные протезы и, значит, русские не могли бы опознать его по зубам». Но мы знаем, что протезы сохранились, и труп был опознан именно по ним. Судя по всему, в тот момент (в июне 1945 года) никто не сомневался в достоверности опознания.

когда не останется и «тени сомнений». Но, говорили они далее, заявление последует сразу после того, как будут получены все доказательства²⁰.

Четыре дня спустя, 9 июня 1945 года, маршал Жуков сделал публичное заявление для прессы. Во-первых, он описал последние дни гитлеровского окружения в имперской канцелярии. Он сообщил – это было первое публичное упоминание – о бракосочетании Гитлера и Евы Браун, которую он неверно назвал киноактрисой. Эти сведения, заявил Жуков, были почерпнуты из дневников адъютантов Гитлера, попавших в руки русских. Однако на прямой вопрос о смерти Гитлера Жуков ответил уклончиво. Он ничего не сказал о расследовании, о признаниях немецких пленных, ничего не сказал он и о кремации и погребении, об эксгумации и об исследовании зубных протезов. «Обстоятельства смерти Гитлера очень загадочны, – сказал он. – Мы пока не идентифицировали труп Гитлера, и я не могу сказать ничего определенного о его судьбе. В последний момент он мог бежать из Берлина. Существовавшие на тот момент пути отхода вполне позволяли ему это сделать»²¹. Потом слово взял русский военный комендант Берлина генерал-полковник Берзарин. Он тоже сказал, что Гитлер, возможно, остался в живых. «Мы нашли несколько трупов, каждый из которых можно опознать как труп Гитлера, но не можем с уверенностью утверждать, что он мертв. Мое мнение таково, что Гитлер бежал и сейчас находится где-то в Европе, возможно у генерала Франко». На этом обсуждение вопроса было закрыто. С того момента русская администрация в Берлине ни разу больше не касалась смерти Гитлера и ее обстоятельств. Непроницаемое молчание окутало эту демонстративно нерешенную проблему, и этот отказ от прежних заявлений, больше чем какая-либо еще причина, привел к растущей уверенности в том, что Гитлер все же сумел остаться в живых²².

Этот постепенный поворот в общественном сознании хорошо прослеживается в отношении к проблеме генерала Эйзенхауэра. До 9 июня Эйзенхауэр публично заявлял, что уверен в смерти Гитлера. Однако уже 10 июня, на следующий день после публичного заявления маршала Жукова, Эйзенхауэр и Жуков встретились во Франкфурте. Пять дней спустя, в Париже, Эйзенхауэр объявил об изменении своего мнения после этой встречи. До нее, сказал генерал Эйзенхауэр, он был уверен в смерти Гитлера, но на встрече с высокопоставленными русскими военными выяснилось, что у них есть большие сомнения на этот счет²³. Эти сомнения были так сильны и заразительны, что, когда через неделю британцы опубликовали рассказ Германа Карнау, сотрудника личной охраны Гитлера и свидетеля сожжения его трупа, этот рассказ был встречен с недоверием. В сентябре русские подтвердили свое недоверие, обвинив британцев в том, что они прячут Гитлера и Еву Браун в своей зоне оккупации для возможных враждебных действий против русских союзников. Это обвинение и послужило поводом к данному мне поручению установить подлинные факты. 6 октября генерал Эйзенхауэр нанес визит в Нидерланды и на встрече с голландскими журналистами заявил, что вначале был уверен в смерти Гитлера, «но теперь выяснились обстоятельства, заставляющие думать, что он жив». Так случилось, что как раз в то время я находился во Франкфурте, в штабе генерала Эйзенхауэра, и при личной встрече указал ему, что, несмотря на то что доказательства смерти Гитлера не являются на сегодняшний момент исчерпывающими, тем не менее нет никаких оснований утверждать, что он жив. По возвращении во Франкфурт Эйзенхауэр несколько изменил формулировки. Он

---

²⁰ Эти высказывания русских, перепечатанные газетой The Times 7 июня 1945 года, содержат некоторые неточности, что вполне объяснимо, так как их воспроизвели со слов офицеров штаба Эйзенхауэра по их возвращении в Париж.

²¹ Выступление Жукова было напечатано в «Правде» от 10 июня 1945 года и на английском языке в газете Soviet War News от 11 июня 1945 года.

²² Как написала на следующий день после выступления Жукова, 10 июня 1945 года, газета Sunday Express, «эти заявления русских вызовут новую вспышку погони за призраками по всей Европе». Эти слова оказались пророческими.

²³ The Times от 16 июня 1945 года.

сам, заявил он, в принципе не верит в то, что Гитлер жив, но «русские друзья уверяли его в том, что пока не нашли убедительных доказательств его смерти»²⁴

---

²⁴ The Times от 8 и 13 октября 1945 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.